

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ОБЪЕКТИВАЦИЙ ПОСЕССИВНЫХ СИТУАЦИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

COGNITIVE-SEMANTIC ANALYSIS
OF LINGUISTIC SYMBOLIZATION
OF POSSESSIVE STATES IN RUSSIAN,
ENGLISH, GERMAN

*I. Palashevskaya
V. Leontiev
E. Stepanova
E. Kurchenkova*

Annotation

In this article, possessivity is considered as a linguistic way of integrating an object into a relation connected to the idea of owning, possession, property. Owning a thing is one of the most important concepts regulating social relations. The grounds under which a thing belongs to its holder, in various legal and cultural traditions, serve as a justification for the material advantage and the manifestation of privileges. Possessive relations aimed at preserving the object in the subject's sphere are proposed to be built in the form of cognitive models, the content of which is the multidirectional preservation process, which is reflected in the semantics of linguistic units and has linguocultural specifics. The article proposes cognitive models of relations aimed at preserving an object in the subject sphere.

Keywords: possessivity, subject, attitude to property, cognitive model, structural qualifier.

*Палашевская Ирина Владимировна
Д.филол.н., профессор,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет
Леонтьев Виктор Владимирович
К.филол.н., доцент,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет
Степанова Елизавета Дмитриевна
К.филол.н., ст. преподаватель,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет
Курченкова Елена Анатольевна
К.филол.н., доцент,
ВГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет*

Аннотация

В данной статье посессиивность рассматривается как языковой способ интегрирования объекта в отношение, связанное с идеей обладания, владения, собственности. Владение вещью является одним из важнейших концептов, регулирующих социальные отношения.

Основания, при которых вещь принадлежит ее держателю, в различных правовых и культурных традициях выступают обоснованием материального преимущества и проявления привилегий. Посессиивные отношения, направленные на сохранение объекта в сфере субъекта, предлагается выстраивать в виде когнитивных моделей, содержанием которых является разнонаправленность процесса сохранения, что находит отражение в семантике языковых единиц и обладает лингвокультурной спецификой. В статье предложены когнитивные модели отношений, направленных на сохранение объекта в сфере субъекта.

Ключевые слова:

Посессиивность, субъект, отношение к собственности, когнитивная модель, структурный квалификатор.

В лингвистике описание посессиивности представлено в работах А.В. Бондарко, Б. Хайне, М.В. Миловановой, Л. Н. Головачевой и др. В основе понятия посессиивности лежат отношения между двумя сущностями. Структура этих отношений, как отмечает М.В. Милованова, включает следующие моменты: 1) А является собственностью В (субъект); 2) А является составной частью В; 3) А является признаком, свойством В; 4) А включен в сферу В в определенном качестве [7, с. 101]. В данном исследовании мы фокусируем внимание на первом проявлении посессиивности. Концепт "соб-

ственность" существует как разделяемые представителями культуры идеи в тех значениях, которые воплощены в ряде ожиданий поведения субъекта-посессора в отношении объекта посессиивных отношений. Репрезентация данного поведения в языке во многом обусловлена национально-культурными особенностями, отражающими мировоззрение представителей культуры.

Изучение культурных образцов поведения невозможно без анализа их ценностно-оценочного компонента. Оценки находят выражение в реакциях на поступки людей, при этом типичные реакции формулируются в виде

устойчивых речений, а также в концентрированном виде выражаются в значениях слов. В оценках поведения людей проявляются ценности культуры. Оценка предполагает наличие оценочной шкалы, которая представляет собой динамичную градуальную последовательность положительных, отрицательных и нейтральных значений. Нейтральная зона представляет собой область, где положительные и отрицательные признаки уравниваются [13, с. 745 – 760]. Отрицательные оценки определенного отношения субъекта–посессора к объекту наиболее ярко выражены в словах частного пейоративного значения типа *miser* [5]. Положительные оценки – в словах–мелиоративах типа *thrifty*.

Отношения к объекту владения включают в себя посессивные ситуации сохранения собственности, увеличения собственности, уменьшения собственности.

Названные посессивные ситуации могут быть представлены в виде следующих когнитивных моделей: "субъект – хранитель", "объект хранения", "субъектно–объектные отношения хранения". Данные модели, в свою очередь, включают в себя субмодели и структурные квалификаторы, конкретизирующие репрезентации типичного субъекта, объекта и процесс.

В этой статье мы останавливаемся на описании субъекта посессивных отношений, его номинантах, эксплицирующих способы владения объектом, поощряемые или порицаемые в культуре.

Когнитивная модель "субъект–хранитель" включает в себя субмодели (СМ): СМ1 "субъект сохраняющий", СМ2 "субъект приумножающий", СМ3 "субъект уменьшающий". СМ1 "субъект сохраняющий" состоит из следующих структурных квалификаторов (СК): 1. "Субъект–хранитель вообще (нейтрально)"; 2. "Хранитель в силу особенностей характера": бережливый, экономный, хозяйственный, расчетливый; 3. "Хранитель в силу профессиональной деятельности": а) в милитаризированной сфере, б) в экономической сфере, г) в культурной сфере; 4. "Хранитель в силу моральных побуждений"; 5. "Хранитель в религиозной мифологии".

Субъект является активной стороной отношений собственности; он обладает, хранит, приумножает либо утрачивает объект собственности. СК "субъект–хранитель вообще (нейтрально)" в рамках СМ1 "субъект сохраняющий" в русском языке представлен языковой единицей *хранитель*. Древнерусское *хоронити* восходит к *chornity* от *chora* – "защита" [9, с. 273], таким образом, можно говорить о том, что данная языковая единица номинирует субъекта, который охраняет, защищает объект от опасности: *Наконец, последняя дочь, оставшаяся с ним в доме, умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владельцем своих богатств* [2].

Ключевой языковой единицей, обозначающей субъекта–хранителя вообще (нейтрально) в английском языке является существительное *keeper*. В семантике единицы в большей степени эксплицируется признак владения, о

чем свидетельствуют этимологические данные: глагол *to keep* восходит к древнеанглийскому глаголу *cepan* и имеет следующие значения: *to seize* 'владеть чем–либо, взять во владение; схватить', *to hold* 'иметь либо хранить, держать что–либо в своем владении', а также *to observe* 'смотреть, наблюдать'. Субъект, характеризуемый языковой единицей *keeper*, имеет какие–либо профессиональные обязанности, является собственником, владельцем чего–либо: *shop-keeper, inn-keeper* [OLD, с. 462–463].

В немецком языке субъекта–хранителя характеризует ряд единиц–согипонимов, т.е. наблюдается детальная квалификация субъекта–хранителя вообще: языковая единица–доминанта *Huter (Behuter)*, производная от средневерхненемецкого *huote* 'охрана, присмотр, забота', *Erhalter* – хранитель своего материального положения и семьи, хранитель душевного благополучия, *Bewahrer* и *Verwahrer* – хранитель впрок.

Анализ закономерностей репрезентации СК "в силу особенностей характера", выражающего субъекта бережливого, экономного, хозяйственного, расчетливого, позволяет говорить о том, что в русской языковой картине мира субъект бережливый стремится сохранить какой–либо объект, старается тратить меньше, не растратить свое состояние, не потерять: ... *бережлива старушка и салону суждено пролежать долго в распоротом виде* [2]. В семантике языковых единиц *economical, thrifty* в английском языке и *sparsam, wirtschaftlich, umsichtig* в немецком языке актуализируется признак экономии, бережливости, извлечения выгоды и получения прибыли: ...*and his father at least liked money. He, too, has always been called careful* [14]; *eine sparsame Hausfrau*.

СК "хранитель в силу профессиональной деятельности" достаточно плотно репрезентирован во всех анализируемых языках. В рамках данной микрогруппы языковых единиц актуализируются такие характеристики субъекта, как охраняющий, защищающий, наблюдающий за объектом. В сопоставляемых лингвокультурах при квалификации субъекта–хранителя имущества, порядка, спокойствия, субъекта–сторожа, зрителя наблюдается сходство, однако в немецком языке отмечается более детальное структурирование данного типа субъекта.

Следующим структурным квалификатором нами выделен "субъект–хранитель в силу моральных побуждений". Объект сохранения при данном типе субъекта может иметь как конкретный характер (например, имущество), так и абстрактный: жизнь, здоровье и т.п. Данный тип субъекта на законных основаниях защищает, охраняет других субъектов и их собственность. Например, в русском языке – *опекун, попечитель*; в английском – *custodian, guardian*; в немецком – *Vormund* (букв.: 'находящийся перед ртом'); *Treuhaender* (букв.: 'человек, верно, крепко поддерживающий').

Последним выделенным нами структурным квалификатором в рамках субмодели "субъект сохраняющий" является СК "в религиозной мифологии"; это, прежде всего, ангел–хранитель (*guardian, angel, Schutzengel, Schutzheiliger*).

В самом общем виде СМ1 "субъект сохраняющий" представляет субъекта, имеющего такие характеристики, как хранящий, защищающий, наблюдающий, оберегающий; он представлен единицами нейтральной лексики, профессиональной терминологией.

СМ2 "субъект приумножающий" включает следующие структурные квалификаторы: 1. "В силу особенностей характера": а) мелочный, б) скупой, в) алчный; 2. "За счет другого субъекта": а) занимающийся расхищением чужого имущества, б) склонный к мошенническим проделкам, к обману, в) корыстный, падкий на стяжание.

СК "в силу особенностей характера" представлен тремя микрогруппами языковых единиц. Субъект мелочный, крохобор получает отрицательную оценку во всех анализируемых языках, на что указывает коннотация языковых единиц; в основе образов – мелкие, незначительные предметы, такие как разменные монеты: *копеечник* – *penny-pincher*, волосы – *hair-splitter*, и даже мелкая душа – *Kraemerseele*; а также стереотипы: если лиса, то хитрая – *Pfennigfuchser*.

В семантике языковых единиц, обозначающих субъекта скупого, актуализируется признак субъекта не просто чрезмерно бережливого, но и субъекта, который не любит тратить, имеет издержки, т.е. цель данного субъекта – потратить как можно меньше. Носители русского языка номинируют его метафорами: *скупец*, *скряга* – языковая единица является исконно-русской и образована с помощью суффикса *-яга* от *скра* 'камень, груды' [12, с. 413]; образ *скряги* ассоциируется с камнем, эксплицируя субъекта очень скупого: *Такой скряга, какого вообразить трудно; Скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?* [2]. Значение очень скупого субъекта выражено также в семантике просторечно-фамильярного *скупердяй*. Образ скупого человека ассоциируется также с образом, который отражает исторический типаж, – кулаком – зажиточным крестьянином; очень скупого – с образом из народных русских сказок – *кощею*, мифическим существом.

Англичане номинируют скупого субъекта метафорами, актуализирующими тип субъекта, который тратит как можно меньше денег: *miser*, *skinflint* – сленговая единица, буквально означающая 'ремень, камень из кожи' (образ ассоциируется с человеком, который готов "ободрать камень", чтобы сохранить или получить что-либо), номинами типа *niggard*: *I could not spare the money on my account. Little niggard!* [14]. В немецкой лингвокультуре тип скупого субъекта, который никогда ничем не делится, ничего не дарит (денег, имущества) либо дарит в ничтожно малых количествах, представлен в семантике следующих языковых единиц: *Geizhals* (букв.: 'скупая, жадная шея'), *Geizkragen* (букв.: 'скупой, жадный воротник'). Существительное *Geiz* восходит к древневерхненемецкому 'жадность, корыстолюбие' [DHW, с. 226]. Данный тип субъекта номинируется в немецком языке также и инвективами типа *Geizhammel*, *Geizknochen* – букв.: 'скупой, жадный баран', 'скупая, жадная кость' соответственно, имеющими

резко отрицательную оценку и ярко выраженную экспрессивность.

В семантике языковых единиц, которые обозначают субъекта жадного, алчного, актуализируется признак субъекта, тратящего как можно меньше и слишком падкого на что-либо, например, на деньги: *... жадноющий до денег, а тут сами деньги приходили на дом: возьми ради Христа* [6]. В русском языке субъект данного типа номинирован разговорно-фамильярным существительным *жадина*, просторечно-презрительными – *сквалыга*, *скалдычник* и просторечно-бранным *скареда*. Субъект, у которого забота о накоплении является доминирующей, доходящей до чрезвычайной скупости, расчетливости, выражен просторечным словом *скопидом*, а также языковыми единицами, значение которых сформировано на основании ассоциативного признака: *гомзила*, *плюшкин*, *полушечник*. В английском языке субъекта, который тратит или дает деньги неохотно, имеет склонность к сбережению, накопительству, обозначают словосочетаниями *greedy person*, *avaricious grasping man*: *...that my father was an avaricious grasping man* [14], *stingy person* – буквально 'жадный человек', *tight-fisted* 'стиснутый в кулак', *miser*, *hoarder*. В немецком языке жадный субъект выражен метафорами: *Geizkragen*, *Filz* – букв.: 'войлок, фетр', ассоциативный признак связан с образом грубого, неотесанного человека, *Nimmersatt* 'субъект, жадный к еде, который никогда не бывает сытым, всегда голодный', *Knicker Knauser*, *Pfennigfuchser*.

Итак, в русском языке представлена более детальная квалификация субъекта бережливого, жадного: скупой субъект характеризуется, прежде всего, как стремящийся к уменьшению расходов, таким образом, увеличивая размер собственности, *алчный* – к приумножению, накоплению своих доходов, субъект *мелочный* может иметь признаки субъекта как *скупого*, так и *жадного*. Следующий пример ярко иллюстрирует градацию при характеристике субъекта чрезмерно бережливого, жадного в русском языке: *Пьяная расточительность, когда Мельников бахвалился и сорил деньгами, сменялась трезвой скупостью и даже скардностью* [6]. В английском и немецком языках не наблюдается детального структурирования субъекта мелочного, скупого, алчного.

Рассмотрение репрезентации СК "за счет других людей" показало, что во всех анализируемых языках широко представлены номинации субъекта жадного, хитрого, живущего за счет других. Данный квалификатор представлен в языках несколькими микрогруппами. Первая микрогруппа единиц номинирует такой тип субъекта, который занимается расхищением чужого имущества, воровством, в русском языке сюда включаются, прежде всего, существительные *вор*, *карманник*: *... что если б ему удалось теперь доказать, что Софья Семеновна - воровка...* [4]. В английском языке в данную микрогруппу включаются существительные *thief*, *pickpocket* 'вор-карманник', *shoplifter* 'магазинный вор', *pettythief* 'маленький воришка'; в немецком языке – *Dieb* 'вор, жулик', *Taschendieb* 'карман-ный вор'.

Следующая микрогруппа представлена единицами, номинирующими субъекта, склонного к мошенничеству, обману. В русском языке сюда включаются существительные типа *жулик* (разг., от *жулить* 'присваивать чужое'), *мошенник*, *спекулянт*, *фальшивомонетчик*, *шулер* (последнее заимствовано из польского языка в XIX веке: *szuler* 'игрок, картежник').

В английском языке номинантами субъекта, живущего за чужой счет, служат следующие существительные: *cheat*, *fraud*, *parasite* 'нахлебник, тунеядец, приживальщик'; *impostor* 'плут'; *spiv* 'жулик, мошенник, спекулянт, фарцовщик'; *deceiver*; *rogue*, *scoundrel*, *rascal*, *swindler* (от немецкого существительного *Schwindler*) 'мошенник'; *trickster*, (*card*) - *sharp* 'обманщик, ловкач', 'субъект, который ловчит, обманывает во время игры в карты или кости с неопытным игроком' – *rook*.

В немецком языке субъект такого типа представлен единицами *Schurke* 'негодяй, мошенник, обманщик', а также "*kleiner Gauner*", *Parasit*, *Lump* 'человек, который ведет себя низко' (от средневерхнемецкого *lump* 'тряпка, лохмотья, рвань') [DHW, с. 428]; *Gauner*, *Spitzbube*, *Bauernfaenger*, *Falschmuenzer* 'фальшивомонетчик', *Spekulant*, *Schieber* 'спекулянт', *Betrueger*, *Hochstapler*, *Falschspieler* 'шулер'.

Во всех рассматриваемых лингвокультурах факты воровства, корыстолюбия, стяжательства осуждаются, получают отрицательную оценку.

Следующая микрогруппа включает единицы, номинирующие субъекта корыстного, падкого на стяжание, то есть такой тип субъекта, который не против наживаться за счет других (например, взять в долг и не вернуть). В русском языке данный тип субъекта выражен языковой единицей книжного стиля *стяжатель*: *Стяжатель по натуре Кишкин тащил в свою каморку...; И та дура... - неволью соглашалась Марковна, в которой шевельнулся инстинкт бабьего стяжательства - вот нам и делить нечего...*[6].

В английском языке данный тип субъекта номинирован словосочетаниями *grasping person*, *person on the make*, *money grubber*, а также языковой единицей *skinflint*.

В немецкой лингвокультуре корыстолюбивый субъект выражен в семантике таких словосочетаний, как *habgieriger* (*habsuechtiger*, *gewinnsuechtiger*) *Mensch*, *Geizhals*.

Анализ репрезентаций СМ2 "субъект приумножающий" показывает, что характеристики субъекта чрезмерно бережливого, жадного наиболее детально представлены в русском языке, причем все единицы, его номинирующие, достаточно частотны.

СМ3 "субъект уменьшающий" включает в себя следующие структурные квалификаторы: 1. "В силу обстоятельств"; 2. "В силу особенностей характера": а) бескорыстно, б) легкомысленно, безрассудно, в) в силу слабости характера.

СК "в силу обстоятельств" представлен единицами, номинирующими субъекта, уменьшающего размер собственности в больших или незначительных количествах: *Привалов не различал своего от имущества жены и много рас-*

тратил [6]. Такого субъекта носители русского языка называют с осуждением *растратчиком*, в семантике языковой единицы *растратчик* актуализируется признак траты собственных денег, а также доверенных субъекту денег. В английском и немецком языках выявлено только значение субъекта, тратящего чужие деньги, которые находились у субъекта на хранении, и, конечно, в свою пользу. В английском языке такой субъект номинирован существительными *embezzler* (от англо-французского *embesiler* 'воровать'), *peculator*, в немецком языке – *Veruntreuer* (букв.: 'человек, которому нельзя доверять') – растратчик, растратитель: *siehabendiegelderihres Brudersveruntreut* [DBW, с. 721]; *Unterschlagungstater*; *Defraudant*.

Следующий СК "в силу особенностей характера" представлен единицами, которые номинируют субъекта, уменьшающего собственность бескорыстно; легкомысленно, преступно, безрассудно; в силу слабости характера. В русском языке в семантике единиц, характеризующих субъекта бескорыстного, актуализируется признак субъекта, не стремящегося к личной наживе, выгоде. Для характеристики такого субъекта используется нейтральная или книжная лексика: *бескорыстник*, *бессребреник*. В английском и немецком языках единицы включают в свое значение коннотацию с оценочным компонентом: в английском языке субъект ассоциируется с человеком, который не находится под влиянием своих чувств, ощущений, предубеждений или интересов, это незаинтересованный, бескорыстный человек – *disinterested person*, в немецком языке – с человеком "не полезным себе": *uneigennuetziger (selbstloser) Mensch*. Семантический анализ единиц свидетельствует о том, что носители русского языка положительно оценивают субъекта бескорыстного, носители английского и немецкого языков – как правило, отрицательно.

Субъекта, тратящего легкомысленно, в русском языке называют *транжирой*, тратящего преступно, безрассудно – книжной языковой единицей *расточитель* или разговорной *мот*: *Я, говорит, племянника не знаю; может он мот* [2]. Субъект характеризуется как не сдерживающий себя доводами рассудка, благоразумия. В английском языке данный субъект характеризуется как *squanderer* 'расточитель', который тратит опрометчиво, в неразумно больших количествах, *spendthrift*, *waster* (от древне-французского *guaster* 'разрушать, портить'), *prodigal*; *dissipater*. Рассматриваемый тип субъекта в немецком языке представлен языковыми единицами, этимология которых непосредственно указывает на данное значение, например: *Vergeuder*, средневерхнемецкий глагол *giuden* [DHW, с. 780] имеет следующее значение: 'хвалиться, жить расточительно'; *Verschwender* – от древневерхнемецкого префиксального глагола *verswenden* 'уничтожать, истреблять, поглощать (пищу)', [DHW, с. 784], а также *Durchbringer*, *Verschleuderer*, *Verplemper*.

На израсходование либо утрату субъектом чего-либо указывает также словообразовательный компонент: префиксы *durch-*, *ver-*.

Субъект, который уменьшает собственность в силу слабости характера, имеет аналогичную характеристику в анализируемых языках. Качество субъекта *слабость* непосредственно связано с легкомыслием и безрассудством, которые проявляются в поведении субъекта. Отличие характеристик наблюдается в выражении коннотаций: *прожигатель жизни* – тот, кто "сжигает свою жизнь"; *fastliver* – тот, кто стремительно проживает жизнь; *Lebemann* – прожигающий жизнь ради удовольствий.

Таким образом, репрезентация посессивных ситуаций в языке во многом обусловлена национально-культурными особенностями мировосприятия. Выделенные нами ситуации (сохранения, приумножения и расточения состояния – собственности) рассмотрены в лингвокультурологическом аспекте с позиций когнитивного моделирования. Названные ситуации могут быть представлены в виде следующих когнитивных моделей: "субъект-хранитель", "объект хранения", "субъектно-объектные

отношения сохранения", которые, в свою очередь, включают субмодели и конкретизирующие их структурные квалификаторы, закономерности репрезентации которых находят отражение в семантике языковых единиц.

Когнитивная модель "субъект-хранитель" включает субмодели: "субъект сохраняющий", "субъект приумножающий", "субъект уменьшающий". Наибольшую квалификацию в сопоставляемых лингвокультурах получает субъект приумножающий, наименьшую – субъект уменьшающий (расточающий). При репрезентации установленных структурных квалификаторов релевантными характеристиками субъекта являются следующие: для русской лингвокультуры – субъект защищающий, для английской – субъект владеющий, для немецкой – субъект собственно сохраняющий в личной сфере. В русском языке, в отличие от английского и немецкого языков, субъект уменьшающий собственность в результате ее бескорыстной передачи другому лицу может получать положительную оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
2. Гоголь, Н.В. Мертвые души: поэма / Н.В. Гоголь. – М. : Моск. рабочий, 1982. – 382 с.
3. Головачева, Л. Н. Категория посессивности в плане содержания / Л. Н. Головачева // Категория посессивности в славянских и балканских языках. – М., 1989. – С. 45–111.
4. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – М. : Художественная литература, 1983. – 478 с.
5. Карасик, В.И. Статус лица в значении слова: Пособие по спецкурсу. / В.И. Карасик. – Волгоград; ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1989. – 112 с.
6. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Приваловские миллионы; Золото / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Худож. лит., 1989. – 591 с.
7. Милованова, М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении : монография / М.В. Милованова. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. – 408 с.
8. Степанова, Е.Д. Когнитивное моделирование отношений собственности в русской, английской, немецкой лингвокультурах : автореферат дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.20. / Е.Д. Степанова. – Волгоград, 2013. – 18 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М. : ООО "Изд-во Астрель", 2004.
10. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815с. (ФЭС).
11. Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Федорова. – М. : Астрель, 2008. – 828 с.
12. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1996. – 195 с.
13. Эпштейн, М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук / М.Н. Эпштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
14. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – Penguin Books Ltd., England, 2006 – 624 p.
15. Duden Bedeutungswoerterbuch / Aufl.von Guenther Drosdowski. – 2, voellig neu bearb. u. erw. – Bibliographisches Institut Mannheim etc. : Dudenverlag, 1989. – Bd. 10. –1816 s. (DBW).
16. Duden Etymologie Herkunftsworerbuch der deutschen Sprache / Aufl.von G. Drosdowski. – 2, voellig neu bearb. u. erw. – Bibliographisches Institut Mannheim etc. : Dudenverlag, 2001. – Band 7. – 960 s. (DHW).
17. Heine, B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization / B. Heine. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 292 p.
18. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2015. – 1896 p. (OLD).